

2-й экз.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

И. Б.
1910

рабочее движеніе, почти совершенно прекратившееся подъ вліяніемъ промышленнаго застоя, опять начинаетъ идти на прибыль. Первая половина этого года была отмѣчена рядомъ стачекъ, имѣвшихъ не оборонительный, но наступательный характеръ. Рабочіе очень быстро учли измѣнившееся положеніе промышленнаго рынка и постарались его использовать, чтобы повысить заработную плату.

Поэтому теперь можно ожидать и роста профессиональнаго движенія если этому не помѣшаютъ политическія условія), почти совершенно сошедшаго на нѣтъ за долгіе годы промышленнаго застоя. Опытъ несравненно болѣе сильныхъ рабочихъ союзовъ Запада показываетъ, что число членовъ рабочихъ союзовъ правильно колеблется въ связи съ фазисами промышленнаго цикла: каждый застой сокращаетъ это число, и, обратно, съ каждымъ подъемомъ растетъ численность организованныхъ рабочихъ. Вообще экономическія организаціи рабочихъ могутъ имѣть успѣхъ лишь при благоприятномъ положеніи промышленнаго рынка. Точно также подъемъ благоприятствуетъ и росту кооперативнаго движенія, которое въ послѣднее время у насъ быстро развивалось, но почти исключительно въ деревнѣ. Въ городѣ оно не имѣло подъ собою твердой почвы въ виду застоя промышленности и безработицы, ослаблявшихъ бюджетъ городского рабочаго. Теперь нужно ожидать роста и городской коопераціи.

Вообще, мы сдвинулись съ мертвой точки и послѣдствія предстоящей повысительной волны должны сказаться въ самыхъ различныхъ областяхъ общественной жизни.

М. Туганъ-Барановскій.

Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ 1808 г.

(Изъ неизданныхъ документовъ Національнаго архива).

Среди бумагъ наполеоновскаго секретаріата, попавшихъ въ Національный архивъ, есть много интересныхъ показаній, касающихся Россіи и не только нетронутыхъ изслѣдователями, но даже нигдѣ и не помѣченныхъ, ибо описи этихъ документовъ не существуетъ вовсе. Объ одной изъ этихъ бумагъ (на которую я натолкнулся, изслѣдуя вопросъ о вліяніи континентальной блокады на положеніе французской обрабатывающей промышленности) мнѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ.

Эта бумага хранится въ катронѣ AFIV 1696, въ папкѣ „Russie. Pièces diverses. 1808“; называется документъ: „Aperçu de la situation politique de la Russie en général et des provinces polonaises réunies à cet empire en particulier“. Рукопись, старательно переписанная и находящаяся

среди бумагъ, представлявшихся непосредственно императору, — не подписана. Писалась она, какъ явствуетъ по содержанію, кѣмъ-либо изъ соглада-таевъ Наполеона, — которыми въ годы между тильзитскимъ миромъ и нашествіемъ кнѣзя-кнѣзѣли обѣ столицы. Кое-какія строки этого документа касаются настроенія дававшей тонъ части русскаго общества, въ 1808 году, когда дворянская фрonda противъ тильзитской политики Александра I уже начинала сказываться; есть также замѣчанія, характеризующія старую Москву, за нѣсколько лѣтъ до Грибоѣдова.

„Ни одна столица въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы не можетъ доставить столько свѣдѣній, освѣщающихъ политическое состояніе той или иной имперіи, — сколько доставляетъ Москва относительно состоянія Россіи“, — доносить французскому императору его агентъ. — „Этотъ огромный городъ населенъ дворянами почти изъ всѣхъ провинцій имперіи. Буржуазія въ Москвѣ состоитъ изъ людей всякихъ племенъ, привлеченныхъ торговлею: изъ обитателей великой и малой Россіи, провинцій, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, изъ ливонцевъ, татаръ, грузинъ и т. д. Въ то же время Москва населена крестьянами сосѣднихъ провинцій, которые селятся въ качествѣ рабочихъ или поденщиковъ. Въ ней живутъ также въ большомъ числѣ иностранцы: греки, армяне, нѣмцы, англичане, французы-эмигранты, а также подданные выпѣшной Французской имперіи, итальянцы, шведы. Нѣмцы составляютъ самый многочисленный классъ ремесленниковъ, торговцевъ, ученыхъ; армяне и шведы — образуютъ классъ торговцевъ. Что касается до образа мыслей московскаго дворянства, — то дворянство можно раздѣлить на три класса: классъ вельможъ и военныхъ, которые уже вышли въ отставку или удалились отъ дѣлъ (*déjà congédiés ou retirés*), классъ людей, которымъ не удалось получить повышенія (*qui n'ont pas réussi dans leurs promotions*) и, наконецъ, тѣхъ, которые надѣются возвыситься и стараются стать на сторону нынѣшнихъ министровъ, защищая ихъ при всякомъ случаѣ. Поэтому легко встрѣтить при всякой бесѣдѣ различныя мнѣнія относительно правительства и европейскіхъ событій“.

Въ общемъ, по мнѣнію автора, русскіе не знаютъ иного развлечения, кромѣ игры въ карты или бесѣды по поводу каждаго событія, имѣющаго отношеніе къ ихъ правительству или къ европейскимъ правительствамъ. Что касается перваго, то предметомъ или похвалъ, или критики являются, обыкновенно, министры, генералы, военные и гражданскіе губернаторы, и самъ императоръ; что касается Европы, то поводъ къ полемическимъ бесѣдамъ подають теперь Франція, Англія и даже маленькое герцогство Варшавское. Каково общее мнѣніе и каковы частныя сужденія вліятельныхъ особъ? Насколько можно судить объ общественномъ мнѣніи ¹⁾ по согласію чувствъ различныхъ классовъ народа, кажется, что

¹⁾ *Opinion publique*. Авторъ употребляетъ строкою выше другой отъѣнокъ: *opinion générale*.

русскіе живо сожалеютъ о разрывѣ политическихъ и торговыхъ связей съ Англіей. Это мнѣніе можно считать общимъ: оно занимаетъ умы министровъ, какъ отставныхъ, такъ и нынѣшнихъ, умы русскихъ вельможъ и купцовъ. Отъ наблюдателя не укрылось и то, что самъ императоръ, „хотя и разстался съ княземъ и княгиней Чарторыйскими и г. Новосильцевымъ, однако, не позволяетъ имъ удалиться изъ Петербурга,—а князь Кочубей, который былъ самымъ ярымъ англичаниномъ, замѣщенъ теперь княземъ Куракинымъ, который является не менѣе ярымъ въ этомъ отношеніи, такъ что перемена въ министерствѣ не измѣнила политическихъ принциповъ петербургскаго кабинета, если не считать вѣщности“. Такимъ образомъ, около царя остались приверженцы Англіи, а худшей обиды Наполеону нельзя нанести. Дѣло въ томъ, что разорявшая русскій помѣстный классъ континентальная блокада, губившая русскій бытъ, сдѣлала дворянство въ высшей степени враждебнымъ Наполеону и дружественнымъ Англіи. Но соглядатай, подмѣтивши фактъ, не вполне понимаетъ его причины.

Эта англоманія сдѣлалась почти привычкою у всѣхъ русскихъ вельможъ и купцовъ: первые пріобрѣли эту привычку по модѣ, а вторые—по соображеніямъ выгоды. Каждый русскій вельможа любитъ во всемъ подражать англичанамъ; каждый купецъ предвидитъ близкое разореніе отъ прекращенія политическихъ сношеній съ Англіею. У „вельможъ“ эта „англоманія“, на которую жалуется агентъ, тоже вызывалась не „модю“, но серьезно затронутыми матеріальными интересами, и въ сколькихъ строчкахъ ниже самъ авторъ это признаетъ. Авторъ документа свидѣтельствуетъ о громадности англійской торговли съ Россіей предъ тильзитскимъ миромъ и предъ распространеніемъ на Россію континентальной блокады: „Вся русская страна была полна англійскихъ факторій; самые богатые банкиры были англичане, кредитъ бумажныхъ денегъ держался только торговлею съ англичанами, министры получали регулярно жалованье отъ лондонскаго двора (*les ministres recevaient des appointements reguliers de la cour de Londres*),—такъ что послѣ послѣднихъ событій вся торговля находится въ застоѣ, русскіе вельможи, привыкшіе къ роскоши, съ горечью терпятъ лишенія въ удовлетвореніи своихъ потребностей и въ то же время чувствуютъ осязательное уменьшеніе своихъ доходовъ. Русскія бумажки пали на 50%; продукты (владѣній) помѣщиковъ лишены вывоза“.

Къ сожалѣнію, агентъ бросаетъ фразу о подкупѣ министровъ англійскимъ дворомъ, не развивая этой мысли и не снабжая своего свидѣтельства никакими доказательствами. Простое ли это поясненіе, вскользь брошенное? Намекъ ли Наполеону о томъ, какія мѣры могутъ помочь противъ „англоманіи“? Воспоминаніе ли о подкупѣ Бестужева-Рюмина Георгомъ II, за пятьдесятъ лѣтъ до того? Или вѣчто болѣе новое, такое, что агентъ предполагаетъ хорошо извѣстнымъ Наполеону, о чемъ и распространяться не стоитъ?

Агентъ освѣдомлялся въ торговомъ мѣрѣ: „до какихъ поръ Россія можетъ выдержать это лишеніе торговли?“—и его „увѣрили, что это можетъ продлиться не дальше будущей весны, и если обстоятельства не переѣнятся, то самые богатые дома обанкротятся“. Русское правительство не можетъ осуществлять свои обязательства предъ Наполеономъ: „осмѣлились даже публично утверждать, что если англійскій флотъ появится предъ Кронштадтомъ, то нисколько не сомнѣваются, что произойдетъ революція, въ томъ случаѣ, если императоръ не захотѣлъ бы стать на сторону англичанъ“. Недовольство политикою Александра заходитъ такъ далеко, что его называютъ „приказчикомъ“ Наполеона (*j'ai observé seulement que cela était un avis général de tous les russes que les choses telles comme elles sont maintenant, ne peuvent subsister nullement et que l'empereur de Russie ne peut être regardé longtemps comme un homme d'affaires, prikastschik, de Sa Majesté l'Empereur Napoléon*).—Мнѣніе наполеоновскаго корреспондента таково, что все это долго продолжаться не можетъ, и что русское правительство едва ли не ведетъ уже тайные переговоры съ врагами французскаго императора. И онъ, предвосхищая событія за четыре года, уже анализируетъ шансы французской арміи, которая перейдетъ чрезъ Нѣманъ и вторгнется въ русскіе предѣлы: это въ высокой мѣрѣ характерное доказательство, что уже въ 1808 году, въ расцвѣтѣ франкорусскаго союза, въ годъ эрфуртскаго свиданія и тѣсной дружбы обоихъ императоровъ, война между Франціей и Россіей внимательнымъ наблюдателямъ казалась очень и очень вѣроятною.—Въ Литвѣ, по мнѣнію автора, французовъ примутъ жители радушно; но страна очень бѣдна, очень опустошена. Весьма характерно осторожное указаніе Наполеону, что онъ слишкомъ встревожилъ своими реформами (въ герцогствѣ Варшавскомъ) крѣпостническое польское дворянство: „Дворянство названныхъ провинцій немного напугано новыми конституціонными законами. Всѣ эти учрежденія, какъ бы восхитительны они ни были, должны были бы быть предоставлены жителямъ болѣе ловкимъ способомъ, нежели это случилось въ герцогствѣ Варшавскомъ. Свобода крестьянъ, военная повинность, внезапное введеніе кодекса Наполеона испугали дворянство“.

Что касается Великороссіи, то здѣсь Наполеонъ можетъ рассчитывать на крестьянъ, „которые будутъ очень расположены встать на сторону побѣдоносной французской арміи, потому что они только и мечтаютъ о свободѣ и слишкомъ хорошо познали свое рабство, которое очень жестоко“. Но отъ дворянства онъ не совѣтуетъ ничего ожидать.

Выискивая благоприятныя шансы для французскаго вторженія, корреспондентъ Наполеона останавливается на томъ, что „жители Малороссіи и казаки терпѣть не могутъ жителей Великороссіи, почти такъ, какъ ирландцы—англичанъ“. И онъ приводитъ фантастическій разсказъ о генералѣ Платовѣ, казачьемъ атаманѣ, который будто бы высказался въ откровенной бесѣдѣ въ томъ смыслѣ, что „французской арміи не достаетъ только казаковъ, и что онъ, Платовъ, очень удивляется, что французы не ста-

раются расположить къ себѣ его націю“ (казаковъ). Всѣ эти слухи любопытны, конечно, не въ томъ отношеніи, чтобы имъ можно было вѣрить; но они даютъ понятіе о томъ, до какой степени въ началѣ XIX вѣка бросалась еще въ глаза нѣкоторая отчужденность казаковъ отъ остального населенія Россіи. (Вспомнимъ, впрочемъ, что спустя полвѣка эту отчужденность весьма положительно констатировалъ такой очевидецъ и наблюдатель, какъ Левъ Толстой въ своихъ „Казакахъ“). Нечего и говорить, что анекдотъ объ измѣническихъ тенденціяхъ Платова, взятый самъ по себѣ, въ качествѣ фактическаго сообщенія, — ни малѣйшаго довѣрія не заслуживаетъ. — Въ заключеніе авторъ донесенія перечисляетъ литовскихъ вельможъ, на которыхъ можно рассчитывать при войнѣ съ Россіею, — по этимъ деталямъ здѣсь не мѣсто. Одно впечатлѣніе первенствуетъ, когда читаешь это изящнымъ почеркомъ написанное письмо и вспоминаешь о его адресатѣ и первомъ читателѣ: фатальная невозможность сохранить миръ съ Россіею, не отступая отъ континентальной блокады, невозможность, предъ которой безсильны оказались и Наполеонъ, и Александръ — вотъ что чувствуется въ каждой строчкѣ этого любопытнаго документа.

Невѣдомый соглядатай не могъ знать только, случится ли міровой пожаръ въ 8-мъ году или въ 12-мъ...

Е. Тарле.

Литературные отклики.

Вѣчный путникъ.

I.

О чемъ и о комъ, кромѣ Толстого, я могъ бы говорить сейчасъ въ виду свѣженасыпаннаго яснополянскаго могильнаго холма?

И въ то же время теперь, когда смерть остановила движеніе Толстого, когда онъ, — употребляя его же выраженіе, — предсталъ передъ нами „въ торжественномъ покоѣ истины и красоты“, теперь особенно страшно нарушить этотъ покой какимъ-нибудь, хотя бы невольнымъ, извращеніемъ истины, нарушеніемъ красоты его дорогого всѣмъ намъ образа. Въ этомъ смыслѣ досадной и оскорбительной для памяти Толстого показалась мнѣ даже торопливость, съ какою книжный рынокъ отозвался на смерть великаго писателя, поспѣшивъ выпустить въ свѣтъ книги П. А. Сергѣенки: „Письма Л. Н. Толстого“ и А. А. Исаева: „Графъ Левъ Толстой, какъ мыслитель“.

Отрицать интересъ и значеніе книги Сергѣенки нельзя. Въ ней собраны, частью опубликованныя уже, а частью нѣтъ, письма Толстого, начинающія съ 13 февраля 1848 г. и кончающія 24 октября нынѣшняго года, гдѣ Толстой, подготавливая уходъ изъ Ясной Поляны, проситъ знакомаго крестьянина Н—ва найти для него въ деревнѣ — хотя бы самую малень-